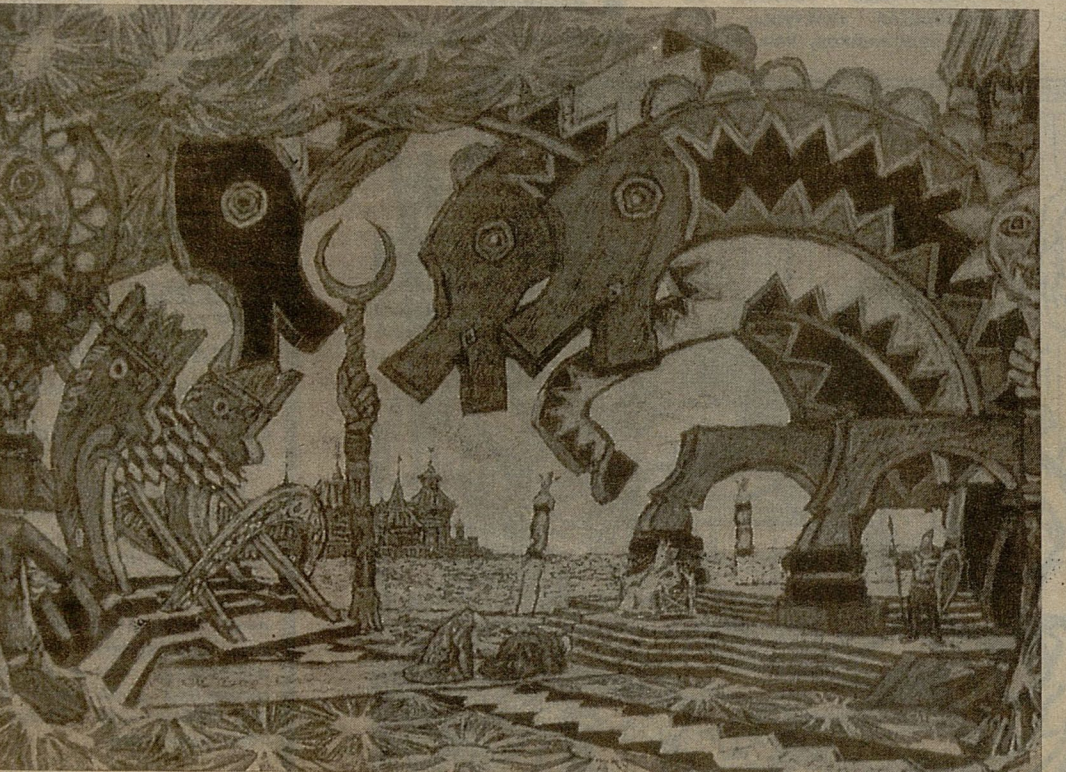

ЧТО ХРАНИТСЯ В АМЕРИКАНСКОМ БАНКЕ

Александр Бенуа сумел развить собственный стиль, но на том и остановился. Он как бы навсегда остался в начале Серебряного века и поэтому выбирал для оформления только те постановки, которые отвечали его классическому вкусу. Единственной большой уступкой модернизму было оформление «Петрушки», благодаря которому он так хорошо известен вне России. Как художнику ему, может быть, не хватало живости стиля и пронзительности, но как оформитель он умел внести в спектакль упорядоченность и гармонию,

что всегда приводило к превосходным результатам на сцене. Александр Бенуа был необычайным человеком, и мне страшно жаль, что не удалось встретиться с ним лично. Когда он был жив, я не встречался с ним из боязни — как и с Серебряковой. Просто не было денег, и я думал: «Ну пойду к нему, но чешскому вкусу. Единственной большой уступкой модернизму было оформление «Петрушки», благодаря которому он так хорошо известен вне России. Как художнику ему, может быть, не хватало живости стиля и пронзительности, но как оформитель он умел внести в спектакль упорядоченность и гармонию,

Почему Александр Бенуа был выдающейся личностью? Он принадлежал к небольшому числу по-настоящему цивилизованных людей. Что я этим хочу сказать? Среди русских много поистине удивительных личностей, разби-

рающихся во многих отраслях человеческих знаний. Таким был, например, профессор Зильберштейн. Он очень много знал. Эрудиция Бенуа была иной. Он был цивилизованным человеком в «европейском контексте» — если так можно выразиться. То есть мог «на равных» беседовать с Сартром в Париже, с Ороско — в Мехико и не чувствовать себя с ними иностранцем. Знал очень много и очень хорошо, и досконально во всем разбирался. Полагая понятие «умный» происходит от слова «понимать» — во всех западных языках это слово произошло от того же корня.

Александр Бенуа был в самом деле уникальным человеком, и в этом можно убедиться, читая вышедший в России двухтомник. Уверен, что когда-нибудь выйдет и третий том. Говорю это с такой определенностью потому, что получил от Анны Александровны Черкесовой так называемые «революционные» мемуары. Никто в семье не хотел, чтобы их публиковали при жизни членов семейства Бенуа. Я передал мемуары Болту, и он положил их в банк — на 50 лет. Кто мог подумать, что в России произойдут — и так быстро — столь радикальные перемены! Мы с Болтом думаем теперь, как вытащить эти мемуары из банка. И опубликовать. Никто из семьи не пострадает.

Александр Бенуа — наиболее продуктивный из русских театральных художников, живших вне России. «Петрушку» ставили десять раз, и каждый раз — по новым эскизам. Жил он на улице Огюст Виту, в 15-м квартале Парижа, неподалеку от завода «Ситроен» — здесь обитало большинство не-

рающихся во многих отраслях человеческих знаний. Таким был, например, профессор Зильберштейн. Он очень много знал. Эрудиция Бенуа была иной. Он был цивилизованным человеком в «европейском контексте» — если так можно выразиться. То есть мог «на равных» беседовать с Сартром в Париже, с Ороско — в Мехико и не чувствовать себя с ними иностранцем. Знал очень много и очень хорошо, и досконально во всем разбирался. Полагая понятие «умный» происходит от слова «понимать» — во всех западных языках это слово произошло от того же корня.

Александр Бенуа был в самом деле уникальным человеком, и в этом можно убедиться, читая вышедший в России двухтомник. Уверен, что когда-нибудь выйдет и третий том. Говорю это с такой определенностью потому, что получил от Анны Александровны Черкесовой так называемые «революционные» мемуары. Никто в семье не хотел, чтобы их публиковали при жизни членов семейства Бенуа. Я передал мемуары Болту, и он положил их в банк — на 50 лет. Кто мог подумать, что в России произойдут — и так быстро — столь радикальные перемены! Мы с Болтом думаем теперь, как вытащить эти мемуары из банка. И опубликовать. Никто из семьи не пострадает.

В МИЛАНСКОЙ КВАРТИРЕ В СТИЛЕ БАРОККО

Николай Бенуа — плодовитый художник. Он во многом напоминает отца, хотя, возможно, и менее талантлив. Впервые я встретился с ним в Милане в 1967 году. Он

жил в великолепной квартире, оформленной в стиле барокко. И он, и его жена были на редкость щедрыми людьми. У Николая Александровича сохранились огромная любовь к России, привязанность к своим родным. Так, свою часть отцовского наследства он оставил сестре Анне Черкесовой с тем, чтобы она по мере необходимости продавала эти работы (как я уже говорил, она не могла рассчитывать на какую бы то ни было помощь государства).

Николай Александрович был обаятельным человеком. Очень любил хорошо пожить. Мы довольно часто обедали в его роскошной миланской квартире. Когда французы спрашивают, хороши ли были обед, в знак утверждения отвечают: да, мы просидели два, три, четыре часа. У Николая Александровича, как полагаются в Италии, на обед всегда подавали закуски, потом спагетти, затем рыбу, курицу или мясо. А после десерта — непременно шампанское. За столом Бенуа явно не сочувствовала господствовавшему тогда в СССР политическому строю, но они были глубоко русскими людьми и остались таковыми.

Я принес в его жизнь немного, но по крайней мере убедил в одном: чтобы художника не забывали, он постоянно должен быть на виду. Быть представленным на выставках недостаточно, важно быть «продаваемым» на международных аукционах в Лондоне и Нью-Йорке. Последнее время он начал этим заниматься. Что было важно. Таким образом можно было понять, как к нему относятся

коллекционеры. Потому что на Западе славу художника делают именно они, коллекционеры. Если мастер завоевал у них авторитет, на него появляется спрос, и тогда его начинают продавать аукционеры. Мне кажется, что в настоящее время из современных русских художников немногие имеют большую аукционную стоимость. Кроме Шемякина, мало кого знаю. А Шемякин, где бы его ни поставили, в Лондоне, в Нью-Йорке, Токио, — он всегда «держит» какой-то уровень. А вот другие светила — скажем, Кабаков или Булатов, — если бы они продавали свои картины на аукционах в Париже, Нью-Йорке и так далее, уверен, они получили бы совсем иные цены.

Николай Бенуа постоянно путешествовал, принимал участие в новых постановках, и у него практически не осталось времени привести в порядок свои бумаги и мемуары. Его просили об этом, убеждали, но его снелало желание творить, видеть свои произведения на сцене — и времени ни на что другое не оставалось. Он был уверен, что проживет до девяноста лет, как его отец и дед, однако умер он в 87, за полгода до основания Музея Бенуа в Петергофе.

История создания этого музея вызывает у меня тяжелые воспоминания, потому что, когда в 1984 году Николай Александрович начал это дело, он повсюду встречал отказы. Он просил и меня заняться этим. Я ходил туда только возможно, к Зильберштейну, Глазунову,

Вознесенскому — меня выслушивали более или менее внимательно, и... все. Дело сдвинулось с места лишь в последнее время, когда был создан Фонд культуры, и Николай Александрович сам приехал в СССР. Очень помогла ему в этом директор Ленинградского театрального музея Ирина Евстигнеева, а необходимый толчок в контактах дало общество «Родина». Я счастлив, что наконец создание музея осуществилось. Сейчас я предложил Фонду культуры собрать

письма Н. Бенуа — их очень много и у меня, и у других — и издать их. Очень хотелось бы, чтобы его бумаги не потерялись, не разлетелись по свету.

МИЛЛИОНЕР ТОСКОВАЛ ПО БЕССАРАБИИ...

Директриса театрального музея при Нью-Йоркской публичной библиотеке много рассказывала мне о Борисе Анисфельде, выходеце из Бессарабии, который жил сначала в Вашингтоне, потом — в Коннектикуте.

Анисфельд — романтик, бывший под влиянием символизма и интересовавшийся Востоком. Оттого-то однажды Фокин и пригласил его оформить несколько спектаклей. Последние свои годы Анисфельд жил в хижине в Скалистых горах. Как правило, с ним жил кто-нибудь из учеников. В то время его работы напоминали некую «смесь» Филонова с Врубелем. В течение своей жизни в Америке он постоянно выставлялся,

картины его продавались. С возрастом потерял интерес к работе в театре. Борис Анисфельд жил очень уединенно, ни с кем не встречался, и потому мне не удалось его увидеть. Но я навещал его дочь Марочку, когда они жили еще в Вашингтоне. Сейчас Марочка живет в Коннектикуте, на берегу моря, часах в трех езды на поезде от Нью-Йорка. Здесь же, в Коннектикуте, Анисфельд и умер в 1973 году.

В Вашингтоне большая часть работ Анисфельда в 1964 году сложена была в подвале, они сильно пострадали от сырости. Никого эти работы не интересовали, даже родную дочь, — по профессии она маклер и занималась продажей квартир. Но, к счастью, ими заинтересовалась ее школьная подруга — директриса театрального музея, о которой я уже упоминал. Поскольку спрос на театральную живопись не было и не предвиделось, дочь Анисфельда частично продала, а в основном отдала просто так лучшие театральные работы отца Нью-Йоркской публичной библиотеке. Там по крайней мере им было обеспечено квалифицированное хранение.

Это абсолютное отсутствие интереса к Анисфельду, как ни парадоксально, мне помогло — я купил у его дочери несколько работ, и, поскольку все они были подценены, цену она назначила невысокую.

В 1984 году Роберт Шепард купил у Марочки несколько больших работ отца

маслом — и дореволюционных, и тех, что были написаны до 20-х годов. Реставрировал их и выставил в своей галерее в Нью-Йорке, на углу 84-й улицы и Мэдисон Авеню. Выставка была с каталогом. Большую часть работ купил миллионер из Чикаго. А куплены они были вот почему. Богатый житель Чикаго узнал, что когда-то поместье его отца в Бессарабии граничило с поместьем Анисфельда... Это и решило судьбу картин.

«РОССИЯ» ОСТАЛАСЬ В ЛОНДОНЕ

Мы ехали во французский город Кань-сюр-Мер. До Канн добрались поездом, затем взяли такси. Дорога шла вверх, в гору, и наконец вот она — «Борис — Элла», вилла с великолепным видом на залив. Здесь жил русский художник Борис Григорьев.

Этот уроженец провинциального русского города Рыбинска был человеком необыкновенно талантливым. Доминирующим компонентом как рисунков, так и живописи Григорьева является линия. Хотя его работы, наверное, можно бы сравнить с работами немецких экспрессионистов, таких, как Отто Дикс или Георг Гросс, но Григорьев выше их на голову. К сожалению, многие его недооценивают и даже, кажется, позабыли. Однако, если его работы попадают на аукционах — что бывает довольно редко, — продаются они, как правило, очень дорого.

В вилле «Борис — Элла» до

сих пор живет сын художника, Кирилл. Но тогда, в 1965 году, мы ехали к его матери — вдове художника. Елизавета Федоровна. С ней меня познакомила Анна Александровна Евреинова — вдова Николая Евреинова. Анна Александровна предупредила, что Кирилл крайне несдержан, бывает, и бьет мать, чуть что ему не понравится. Поэтому посоветовала в дом не заходить, а вызвать Елизавету Федоровну на разговор. Так я и сделал. Мы встретились в кафе, и я попросил ее продать картину «Человек с козой», про которую мне рассказала А. Евреинова. Елизавета Федоровна согласилась и попросила у меня 150 долларов. Затем пошла за картиной, вернулась и вручила ее мне. Я взял свою покупку и присоединил к жене, она сидела за другим столиком вместе с моим сослуживцем по банку, приехавшим с нами. Мы оставались в кафе еще около получаса, как вдруг вернулась Елизавета Федоровна. С трудом сдерживая слезы, протянула мне деньги и попросила картину обратно. Я вернул «Человека с козой». Она сказала, что сын заметил, как она выходила, и пригрозил, что, если не вернется с картиной, он ее изобьет. Так что свидание оказалось неудачным с точки зрения пополнения коллекции. Я знаю, что в доме осталось довольно много работ Григорьева. Кирилл раньше периодически встречался с советским культурным атташе в Париже. Может быть, эти вещи вернутся в Россию.

Судьбу одного полотна Бориса Григорьева мне все-таки удалось проследить. Много лет среди других работ художника на вилле «Борис — Элла» висела его картина «Россия» — внушительных размеров полотно — 2х3 м. В прошлом году я увидел ее на аукционе «Сотби». Знаю, что Кирилл Григорьев не продавал ее раньше, потому что много лет надеялся послать это полотно в Россию. Шли переговоры с советским послом во Франции, но, увы, картина в Россию так и не уехала.

До аукциона я долго беседовал с Галиной Вишневской, мы обсуждали это полотно, его достоинства и недостатки, привлекательные стороны, и вообще — стоит ли его покупать. И я, и многие советовали ей это сделать. Картина довольно большая, никакой заграничный музей явно ее не купит, а в квартирах западных коллекционеров вряд ли есть такие огромные «пустые места». У Ростоличей же в лондонской квартире как раз была такая «пустая» стенка. Я страшно рад, что они приобрели это полотно.

ОБИДЫ РОСТИСЛАВА ДОБУЖИНСКОГО

Новгород, великий русский город, может гордиться еще и тем, что дал миру гениального Мстислава Добужинского. Скончался он в Нью-Йорке, оставив, кроме своего замечательного художественного наследия, еще и двух сыновей.

Добужинские умно распорядились наследием отца. Всеволод Мстиславович, который живет в Америке и с которым я познакомился в Нью-Йорке, сделал очень большое дело: он собрал и записал воспоминания современников о своем отце. Не думаю, что это было для него просто: сбор материалов — дело хлопотное, требующее, в частности, больших усилий, а он инвалид, у него что-то неблагополучно с рукой. Его брат Ростислав Мстиславович, живущий в Париже, собрал среди русской эмиграции деньги для издания книги об отце, которая вышла в

Париже. А потом Р. М. Добужинский помогал издать подобную же книгу в Союзе — в тогдашнем Ленинграде. К сожалению, это издание вышло с купюрами. Что очень обидело Ростислава Мстиславовича — ведь его заверяли, что представленный им текст будет публиковаться без изъятий. В парижской газете «Русская мысль» он опубликовал огромную статью, рассказав о всех цензурных купюрах. Сейчас, наверное, можно было бы подготовить переиздание книги в России, существенно дополнив ее новыми материалами, которые можно найти в уже открытых архивах.

Париже. А потом Р. М. Добужинский помогал издать подобную же книгу в Союзе — в тогдашнем Ленинграде. К сожалению, это издание вышло с купюрами. Что очень обидело Ростислава Мстиславовича — ведь его заверяли, что представленный им текст будет публиковаться без изъятий. В парижской газете «Русская мысль» он опубликовал огромную статью, рассказав о всех цензурных купюрах. Сейчас, наверное, можно было бы подготовить переиздание книги в России, существенно дополнив ее новыми материалами, которые можно найти в уже открытых архивах.

Париже. А потом Р. М. Добужинский помогал издать подобную же книгу в Союзе — в тогдашнем Ленинграде. К сожалению, это издание вышло с купюрами. Что очень обидело Ростислава Мстиславовича — ведь его заверяли, что представленный им текст будет публиковаться без изъятий. В парижской газете «Русская мысль» он опубликовал огромную статью, рассказав о всех цензурных купюрах. Сейчас, наверное, можно было бы подготовить переиздание книги в России, существенно дополнив ее новыми материалами, которые можно найти в уже открытых архивах.

● А. Бенуа. Петрушка.

● Н. Бенуа. Сказка о царе Салтане.

● М. Добужинский. Принцесса и свинопас. Эскиз-вариант иллюстрации к сказке Х. К. Андерсена «Свинопас».

● М. Добужинский. Иллюстрация к поэме А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

